

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Девушка из элитного борделя

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Девушка из элитного борделя

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Девушка из элитного борделя / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-101408-7

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. В подмосковном парке обнаружен труп молодой женщины. Следствие зашло в тупик и уже готово признать очередной висяк. Однако подключившийся к расследованию полковник МВД Лев Гуров не столь пессимистичен. Он и полковник Крячко выясняют, что погибшую звали Регина, она приехала из глубинки и некоторое время работала в элитном борделе. Возможно, ее убил кто-то из клиентов. Эта версия кажется правдоподобной, но только до тех пор, пока сами оперативники не становятся жертвами покушения. Его организовала девушка, как две капли воды похожая на убитую Регину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101408-7

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев
Девушка из элитного борделя**

© Макеев А.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Пожалуй, никто так трепетно не относится к своим домашним питомцам, как собачники. Все остальные – кошатники, птичники, аквариумисты, любители грызунов и им подобные – с данным утверждением наверняка бы поспорили, но в девяти случаях из десяти спор бы этот проиграли. Считается, что всех остальных заводчиков живности собачники считают лентяями. А почему нет? Ни кошек, ни птичек, ни грызунов выгуливать не нужно, а этот аргумент потяжелее свинца. К тому же едят они меньше, меньше и места занимают. Они не требуют дрессировки, легко переживают одиночество, да и ответственность за их поступки хозяева несут лишь перед собой. Ну еще перед соседями.

Совсем другое дело у собачников. Завел питомца – будь добр, обеспечь ему достойное существование. Накорми, напои, шерсть расчеши да про подшерсток не забудь. Если выгуливать, так дважды в день, с намордником и на поводке. Заболел – срочно к ветеринару, а там осмотры, прививки, уколы и витамины. Без этого никуда – член семьи. И так изо дня в день, год за годом. Придерживаться такого строгого режима могут далеко не все, на это требуются и терпение, и выдержка, и отношение к жизни серьезное. Всеми этими качествами и обладают собачники. По большей части...

Ясное дело, встречаются и среди них чудачки. Почему чудачки? А кто еще своего пса в детские памперсы наряжать станет, чтобы он экскрементами двор не удобрял? Или юбочку на филейную часть напяливать, дабы окружающие не перепутали: у нас, мол, девочка, создание нежное. А еще любят некоторые в кукольную колясочку собачку посадить и ребятишкам отдать. Пусть, мол, дитё играет. Не коляска, так цирюльник начудит. Выстрижет по бокам звезды шестиконечные, краской угольной выкрасит, а хозяин радуется. Особо активные на единственной собаке не остановятся, им аудитория пошире нужна. Заведут штук пять, разных пород и возраста, и умиляются – ну точно как в многодетной семье!

И ведь ничего с этим не поделаешь. Кто запретит чудачкам питомцев заводить? Ведь и они имеют право на свой кусочек счастья и бескорыстной любви. Так и живут: настоящей семьи не создали, вот собачьей и утешаются. И все бы ничего, если бы, как и в любой классической семье, искусственную собачью семью несчастья стороной обходили. Но ведь так не бывает, чтобы одним только радости, а другим – горе. Нападет на такую семью беда-кручина, тогда уж тараканы из головы чудака по-серьезному полезут. И начнет он округу потешать глупыми, необъяснимыми нормальному человеку выходками.

Вот такой вот чудак пасмурным весенним утром появился на границе между городскими строениями и парковой зоной Лосиног Острова. Первые солнечные лучи вяло пробивались сквозь густые кучевые облака, еще с ночи затянувшие небо, но так и не решившиеся разразиться дождем. Чудак – долговязый мужчина средних лет, подражая солнечным лучам, застыл в трех шагах от первых деревьев и переминался с ноги на ногу, точно не решаясь ни вперед двинуться, ни назад повернуть. Его нерешительность никак не сказалась на предусмотрительности: непромокаемый плащ от вероятного дождя он надеть не забыл, как и сменить легкие сандалеты на литые черные калоши.

Худая костлявая рука, торчащая, точно коряга из болота, из чересчур широкого рукава, едва удерживала на поводке собачью свору. Глаза чудака влажно блестели, свободной рукой он то и дело утирал набегающие на ресницы слезы. Свора, как и хозяин, имела вид весьма нестандартный. Рядом с лохматой помесью московской сторожевой и дворового пса Шарика соседствовал низкорослый пес породы бигль с торчащим кверху хвостом и висящими ушами. Биглю в хвост упирался молодой поджарый доберман, под ногами которого путался умильного вида самец породы чихуахуа.

В этой странной связке доберман находился ближе всех к чудаковатому хозяину. Он пытался занять главенствующее положение, нетерпеливо толкая бигля и постукивая лапой по ботинкам хозяина, но поводок, накрученный на руку чудака, возвращал его на место. Свободнее всех из своры чувствовал себя чихуахуа. Поводок позволил бы ему убежать метров на пять вперед, но осторожный пес предпочитал оставаться под защитой добермана и здоровяка сторожевого.

У границы зеленых насаждений долговязый чудака стоял уже битый час. Солнце еще и не думало подниматься над горизонтом, когда он вышел из дома со своей разношерстной компанией и потащил ее к парковой зоне. Чего он ожидал? Умей собаки говорить – наверняка бы задали этот вопрос хозяину. Но разговорной речью братья меньшие не владели, а собачьего не понимал чудака. Неизвестно, сколько еще продлилось бы молчаливое стояние, если бы не случай. В паре метров от того места, где застыл мужчина, проходила автомобильная дорога, и из-под колес проходящего грузовика вдруг вылетел увесистый кусок щебня. Непонятно каким образом, но этот самый кусок описал крутую дугу и опустился на мощный зад сторожевой.

Для такой крупной собаки, как московская сторожевая, подобный удар – что слону дробина. Он и дернулся-то скорее от неожиданности, чем от боли. Но вот чихуахуа, в самый неподходящий момент высунув нос из укрытия и подсунув его прямым под заднюю лапу сторожевой, получил удар такой силы, что его отбросило в сторону, точно теннисный мяч. Взвизгнув, пес пару секунд тряс своими тоненькими лапками, а потом подскочил и рванул вперед. На то, чтобы все пять метров поводка натянулись до предела, хватило четверти минуты. Натянувшись, он врезался в причинное место сторожевой, тот недовольно заворчал и понесся договнять своего мизерного друга. После этого сработала цепная реакция: за сторожевой поскакал доберман, за ним бигль, и все вместе они утянули за собой чудака-хозяина.

Метров пятьдесят вся свора, включая хозяина, бежала молча. Затем чихуахуа, врезавшись в шершавый пенек, снова подал голос. Он оглянулся на хозяина и громко залаял, жалуясь тому на боль. Лай подхватил доберман, всегда готовый пошуметь и побегать. Бигль с минуту молча оценивал ситуацию, но в конце концов собачья солидарность взяла верх. Запрыгнув на тот самый пенек, который остановил процессию, он задрал голову и завыл. Чудака-хозяин, запутавшись в поводках, не устоял на ногах и рухнул на землю, в нескольких сантиметрах от пенка. Непромокаемый плащ распахнулся, и оттуда вывалилась плоская коробка из-под конфет. Хозяин ахнул и выбросил правую руку вперед в надежде поймать коробку, но сделал только хуже. Крышка с коробки слетела, ее содержимое вывалилось на землю, едва прикрытую молодой травой, и он в отчаянии выкрикнул:

– Я так и знал, так и знал! Будто мало того, что лишились мы лучшей частички нашей дружной компании, так еще и это! Из любовно приготовленного погребального одеяния, да на грязную жесткую землю! Ох, беда ты беда. Верно люди говорят, одна ты не ходишь. И за что же всем нам такое испытание?

Доберман положил свои лапы хозяину на плечи и громко и заливисто залаял. Ситуация его явно забавляла. Бигль и чихуа крутились возле ног хозяина, то подвывая, то повизгивая. В акте всеобщей истерии не принимал участия лишь сторожевой пес по кличке Леопольд. Он уселся на траву возле опустевшей коробки и терпеливо ждал, когда можно будет идти домой. А хозяин-чудака уходить не спешил. Немного успокоившись, уперся ладонями в колени и установился в одну точку перед собой. При этом взгляд его вовсе не был отрешенным, напротив, он обрел осмысленность.

– Ты молодец, Леопольд, – похвалил сторожевую хозяин. – Не отчаялся, не запаниковал. Так и должно быть, так и должно. Ведь, в сущности, для того мы сюда и шли, верно? Оглянись вокруг, Леопольд. Видишь, как здесь красиво. Быть может, все это произошло для того, чтобы мы нашли его? Это место. Что скажешь?

Леопольд тряхнул головой и облизнулся.

– Вот и я говорю, пора заняться делом. Лопатку-то я не выронил, а это главное. Сейчас с местом определимся, могилку выкопаем и будем прощаться. Ты уж только держись, Леопольд. Я понимаю, тебе с ним прощаться тяжелее всего будет, ну, да куда от этого денешься? Любил ты его, поди? Любил, я знаю. Ну, хочешь, я вам еще немного времени дам, чтобы ты его в последний путь проводил? Хочешь?

Леопольд покосился на хозяина, широко зевнул и, положив голову на передние лапы, прикрыл глаза.

– Значит, не хочешь прощаться? Что ж, понимаю. Должно быть, это тяжело, провожать в последний путь друга, с которым ты с самого рождения. – Глаза чудака вновь увлажнились. – Это ничего, что сил у тебя на прощание нет. Я за тебя попрощаюсь. И могилку в самом красивом месте выкопаю, и речь надгробную скажу. Не сомневайся, я-то знаю, как похороны устраивать.

С этими словами чудака вытянул вперед руку и... подняв с земли пушистый хвост московской сторожевой, любовно уложил его в коробку. Затем оглядел деревья возле пенька, отступил от брючного ремня небольшой садовый совок, отступил в сторону и принялся копать. Острый клинок легко входил в землю, сухая земля, давно не встречавшаяся с дождем, сыпалась с металлического полотна, закрывая короткие ростки сорной травы.

– Наверное, глубоко копать не будем, как думаешь, Леопольд? Лишь настолько, чтобы хулиганы не отрыли. Нехорошо это, когда останки, преданные земле, наружу вытаскивают, верно, Леопольд?

Пес повел ухом, но глаз не открыл. Чудака сочувственно покачал головой и продолжил копать.

– До сих пор не пойму, как это тебя угораздило под заслонку подлезть? Ведь сколько раз мы это обсуждали. Тебе вообще в гараже делать было нечего, но ты настаивал, и я пустил. Что из этого вышло, сам знаешь. Нам еще повезло, что под удар попал хвост. А если бы лапа, что тогда? Хромал бы всю жизнь? Ох, Леопольд, Леопольд, слушаться хозяина надо.

Выкопав яму глубиной с полметра, он поднялся с колен, отошел в сторону, оглядел результат своего труда и, недовольно поморщившись, вернулся к яме.

– Нет, Леопольд, для твоего друга мы изготовим могилку поглубже. Углубим, да и ширишь увеличить не помешает. Коробка должна войти целиком, как считаешь, Леопольд?

Задав вопрос, мужчина оглянулся на сторожевую. И вдруг увидел, как бигль, до этого беспокойно бегавший вокруг коробки с хвостом, кинулся вперед, ухватил хвост зубами и помчался что есть мочи в глубь парка. От такой наглости чудака дар речи потерял. Раскрыв рот, он провожал бигля ошеломленным взглядом. Затем подскочил с колен и заорал:

– Леопольд! Тревога!

Слово это сторожевой оказалось знакомо. Последний звук стихнуть не успел, а Леопольд уже мчался напролом через кусты и подлесок. За ним, не желая оставаться вне общей игры, бросился доберман. И только чихуа испуганно прижался к шершавому пню, жалобно пискнул и напустил лужу.

– Борг, прекращай это! – прикрикнул на него чудака. – Идем, мы должны найти Гошу и отобрать у него друга Леопольда.

Борг поплелся за хозяином, который двинулся на лай добермана, доносившийся из зарослей чубушника. Идти оказалось недалеко, видимо, в планы бигля Гоши побег не входил, и он успел пробежать не более пятидесяти метров. Дойдя до кустарника, чудака увидел странную картину: Леопольд застыл в паре метров от кустарника в боевой стойке. Шерсть его встала дыбом, пасть ощерилась, а из глотки исходило угрожающее рычание. Здесь же, чуть в стороне, пристроился бигль, вид у него был такой же агрессивный, как у Леопольда. Доберман же то уносился в глубь кустарника, то возвращался назад и при этом неистово лаял.

– Что происходит, Леопольд? – настороженно спросил чужак. – И что это с Даксом? Дакс, ко мне! Прекрати гоняться, ты пугаешь Гошу!

Услышав свою кличку, доберман выскочил из кустов и бросился к нему. Подскакивая на месте чуть не на метр, он принялся кружиться, зазывая хозяина в кусты. Потом подбежал к нему вплотную, забросил передние лапы на плечи и начал яростно облизывать щеки и нос.

– Ладно, Дакс, твоя взяла. Пойдем, покажешь, что вас так возбудило, – проговорил чужак, с трудом утихомирив добермана.

Пес словно только этого и ждал: проскользнул в узкий прогал между кустами и застыл в ожидании хозяина. Тот, опасливо глядя под ноги, протиснулся следом. Взгляд его уперся в потертый клетчатый чемодан, лежавший на траве лицевой стороной вверх, точно раскрытая книга. Металлическая «молния» золотистого цвета тускло блестела, крупная красно-синяя клетка на фоне травы выглядела неуместно, даже как-то дико. Из боковой стенки торчала массивная ручка с пластиковой отделкой, а под ней аккуратные колесики в три ряда.

– Ну и зачем вы меня сюда притащили? – с явным облегчением вздохнул мужчина. Он ожидал увидеть в кустах нечто ужасное, а получил всего лишь старый, никому не нужный чемодан. – Забот мне больше нет, как только хлам по парку собирать! Лучше бы показали, куда Гоша усопшего унес.

Он развернулся, чтобы уйти, но доберман перепрыгнул через чемодан и вцепился в его штанину, удерживая на месте.

– В чем дело, Дакс? – Поведение добермана начинало раздражать обычно терпеливого хозяина, но, взглянув в беспокойные глаза пса, он сдержался. – Ладно, ладно, хочешь, чтобы я забрал этот чертов чемодан с собой? Я это сделаю. Устрою тебе из него отдельную конуру. А что, идея неплохая. Может, полностью конура из него и не получится, но вот крыша будет замечательная. И не промокнет, верно, Дакс? Давай-ка сложим его так, чтобы было удобно нести.

Доберман понял, что добился своего, и выпустил штанину. Чужак сделал три шага вперед, ухватился за ручку и потянул чемодан на себя. Клетчатая ткань поползла вниз, обнажая то, что лежало под ней. Сначала показалась копна русых, с заметной рыжиной, волос. Затем прикрытые этими волосами голые плечи, изящные женские руки... и только тогда до чужака дошло, что смотрит он на обнаженный труп молодой девушки. Осознав, что произошло, мужчина выпустил из рук ручку чемодана и отпрянул назад.

– Дакс! Что вы натворили! – только и смог выдать он.

Доберман снова подскочил к хозяину и ткнулся носом в миглом вспотевшую ладонь, выпрашивая награду, но тот и не подумал искать по карманам лакомство, вместо этого достал сотовый телефон и набрал номер Службы спасения.

На Петровку сообщение о трупе, найденном в парке Лосиный Остров, поступило с задержкой в два рабочих дня. Изначально, как и требовали общие правила, дело поступило в районный отдел полиции, в ведомстве которого находились парковая зона и прилегающий к ней жилой массив. Оттуда и опергруппу с криминалистами высылали, и свидетеля там опрашивали. Но потом кто-то что-то сказал, кто-то где-то подсуетился, и вот уже в Главк летят вездесущие журналисты, а Интернет пестрит громкими заголовками, и общественность волнуется, и вопросы неудобные задает: как так, чуть ли не в центре столицы, в месте семейного отдыха, и такое творится? Как власти могли допустить подобное?

И от журналистов уже не избавиться, будут досаждать высоким чинам, пока материал красивый не получат. А чинам оно надо? Вот они и рапортуют перед камерами: происшествие взято на особый контроль, будьте уверены, поисками преступника займутся лучшие оперативники Москвы. Обещание, данное журналистам, выполняется неукоснительно. Приказ спускается сверху, передаваемый от чина к чину, пока не доходит до последней инстанции. В деле, с

легкой руки журналистов известном общественности как «Дело девушки в чемодане», последним звеном в цепочке стал кабинет старшего оперуполномоченного Московского уголовного розыска, полковника Гурова Льва Ивановича. Тот, в свою очередь, попытался сплавить его сотрудникам рангом пониже, да не вышло. Его непосредственный начальник, а по совместительству давний друг, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов не позволил. Он, видите ли, уже доложил наверх, что поручил дело не кому-нибудь, а легендарному Гурову. Не станет же он от своих слов отказываться?

Пришлось тому засучить рукава и взяться за расследование заведомо проигрышного дела. В качестве утешения генерал позволил распоряжаться личным составом отдела на усмотрение Гурова, и это в какой-то степени примирило полковника с решением генерала. Исключением стал полковник Крячко, на его задействие было наложено категорическое и бесповоротное вето. И дело здесь вовсе не в особом расположении генерала к Стасу Крячко, второму после Гурова специалисту в области поиска и поимки особо опасных преступников, а скорее, наоборот, это являлось наказанием.

Не сказать, чтобы Крячко этим фактом был расстроен, ни один здравомыслящий опер не станет переживать из-за того, что его отстранили от поисков преступника, когда запах «висяка» не просто витал в воздухе, а буквально в стены кабинета впитался, но самолюбие его все же было задето.

А причина решения генерала была вполне заурядна. На полковнике вот уже два месяца висело расследование, по которому вышестоящие инстанции просто жаждали получить результат. Всякий раз на планерке в кабинете генерала, как только речь заходила об этом расследовании, Крячко «задвигал» пламенную речь, типа «приложим усилия», «привлечем дополнительные ресурсы», «активизируем и подтянем» и так далее, и тому подобное. Слушать историю про «активизацию» надоело не только генералу, но и всему личному составу, вынужденному терпеть еженедельную экзекуцию. Но Крячко все тянул и тянул, надеясь, что рано или поздно проблема рассосется и можно будет сдать дело в архив.

Генерал же считал, что при должном усердии дело, порученное Крячко, можно завершить за три дня. Вот почему он отстранил Стаса от всех текущих дел, чтобы нечем было прикрыться, и заявил: либо в трехдневный срок получаешь результаты, либо жди серьезных санкций. И шпильку подпустил, что товарища, мол, подводит, Гуров теперь вынужден помощью «желторотиков» довольствоваться, вместо того чтобы с матерым опером безнадежное дело раскрывать. Крячко замечание не понравилось, уж очень он не любил, когда его совестили за счет друзей. На это генерал и рассчитывал: посидит Крячко, подуется, а потом включит «думалку» и принесет готовый результат генералу на блюде.

Новым заданием Гурова «осчастливили» после полудня, сообщив, что исходные данные тот может получить в районном отделе у капитана Трушина. Льву пару раз приходилось пересекаться с Трушиным по работе, поэтому он имел представление, чего от него ожидать: неплохой опер, парень башковитый, не лишенный сыскной чуйки, но с ленцой, как только появлялась возможность увильнуть от работы, он эту возможность не упускал. Тем не менее встречи с ним было не избежать, поэтому первым делом Гуров отправился в районный отдел, чтобы успеть застать капитана на месте.

Трушин встретил полковника радостной улыбкой. Еще бы ему не улыбаться, от столько проблем разом избавляется! Пожав протянутую руку, он выложил на стол папку и, хлопнув по ней ладонью для пушей убедительности, заявил:

– Здесь все. Полистайте, ознакомьтесь. Возникнут вопросы, готов ответить.

Гуров взял папку в руки, раскрыл. Внутри лежали три листа, исписанные мелким убористым почерком.

– У вас в отделе электричество экономят или к компьютеру особый допуск? – пошутил Лев.

– Да не в том дело, – замылся Трушин. – На компьютере набирать – в кабинете сидеть нужно, а от руки на месте составил, и готово дело. Все равно ведь «висяк».

– Так вот с ходу, за два дня, и определили?

– Двух часов хватило, – махнул рукой Трушин. – Вы почитайте отчет, товарищ полковник. Уверен, ваше мнение совпадет с моим.

Гуров пробежал глазами текст, исходные данные действительно оптимизма не внушали. Труп девушки был обнаружен около семи часов утра. К тому времени она была мертва от шести до двенадцати часов, то есть смерть наступила не ранее семи часов предыдущего вечера и не позднее часа ночи. Следы борьбы на теле отсутствовали, как и следы грязи. Одежды, как и украшений, на теле не было. И никаких, абсолютно никаких особых примет. Ни татуировок, ни родинок причудливой формы, ни шрамов. Чемодан, которым прикрыли тело, оказался классическим представителем дорожной галантереи. Такие огромными партиями изготавливает добрая сотня текстильных предприятий, и в продаже они имеются чуть ли не в каждом магазине, торгующем подобным товаром.

В папке имелся отчет о проделанной работе. Стандартная процедура идентификации по отпечаткам пальцев результата не дала. Убитая в базе не числилась, значит, к уголовному миру не принадлежала и воинской повинности не отбывала. Причиной смерти стал перелом шейных позвонков. Кто-то свернул ей шею одним выверенным движением. На это стоило обратить внимание, так как не каждый гражданин способен на такое. По мнению экспертов, девушку убили не в парке, а доставили на место уже мертвую. В том самом чемодане, которым после прикрыли тело.

Третий лист содержал сведения, собранные во время опроса жителей близлежащих домов. И он выглядел удручающе голым. Кто-то видел подозрительную машину, кто-то подозрительных парней, кто-то мотоциклиста со злобным лицом, но ни один не видел девушки или же незнакомцев с огромным клетчатым чемоданом. И все это на грани домыслов. Гуров понимал, что большего от опроса ждать было глупо. От дороги жилой массив отделяет приличное расстояние, а надеяться на то, что среди местных жителей найдется человек, денно и нощно просиживающий у окна, вооружившись полевым биноклем, – это уже из области фантастики.

– Списки пропавших без вести проверили? – закрывая папку, спросил он.

– Не успели, – безмятежно ответил Трушин. – Да и рано еще. Два дня ведь всего прошло, а патологоанатом заявил, что, скорее всего, погибшая жила одна.

– Это как же он определил? – искренне удивился Лев.

– Точно не знаю. Вроде как слишком уж дама ухоженная. Вы лучше у него спросите, – посоветовал Трушин.

– Непременно, – пообещал Гуров. – Кто опрос жильцов проводил?

– Ребята из нашего отдела. Стажеры, – ничуть не смутившись, пояснил Трушин и добавил, решив все-таки оправдаться за личное бездействие: – В отделе работы не впрокорот. На мне еще пять дел, а парни почти не загружены.

– И вы решили это исправить, отправив неоперившихся «желторотиков» опрашивать потенциальных свидетелей, – не сдержался Гуров. – Хорошая работа, ничего не скажешь.

– Не нужно осуждать, – насупился Трушин. – У меня два разбоя на руках, поножовщина в баре, и это – не считая бытовухи. Когда еще и по дворам ходить?

– Главного свидетеля хоть сами опрашивали?

– Сам, – повеселел Трушин. – Ну и кадр, этот самый свидетель, товарищ полковник. Чудик, каких поискать. Уши мне так замусорил, я часа два после допроса отходил.

– Что с ним не так? – насторожился Лев.

– Да нет, он в порядке. Станный только, с «тараканами» в голове. Знаете, зачем он в парк в такую рань приперся? – В глазах Трушина заплясали озорные искорки.

– Собак выгуливать? – предположил Гуров, вспомнив, что в отчете указывалось, что свидетель является собачником.

– А вот и не угадали. Он, конечно, весь свой странный выводок с собой приволок, но не для выгула. Пес его, московская сторожевая, накануне хвост себе отчекрыжил. В гараже у чудика что-то вроде гильотины стоит, металл резать. Так его пес умудрился эту гильотину в действие привести и хвост начисто отрубить. А хозяин решил, что «лучшего друга» следует похоронить. С почестями и в красивом месте. – К концу рассказа Трушин едва сдерживал смех.

– Какого друга? – не понял Гуров.

– Да хвост же, хвост сторожевой! – радостно воскликнул Трушин. – Это он его лучшим другом величал.

– Он хотел похоронить в парке хвост? – не веря своим ушам, переспросил Лев.

– Так точно, товарищ полковник. Похоронить хвост, – подтвердил капитан, явно довольный произведенным эффектом.

– Да, дела, – только и нашелся что ответить Гуров.

– Вот я и говорю: чудик наш свидетель.

– Толк-то от него был?

– Никакого, – вздохнул Трушин, переходя на серьезный лад. – У лесополосы он никого не видел, в самом лесу других людей не встретил. И собаки его, кроме как девушку под чемоданом, больше никого не нашли. Впрочем, думаю, и не искали. Собачник, Валентин Худышкин, так перепугался, что до самого приезда опергруппы возле трупа не шелохнувшись просидел. И собаки его вместе с ним.

– Адрес собачника в папке зафиксирован?

– Так точно. Он неподалеку от места происшествия живет.

– Ладно, капитан, благодарю за службу. Появятся вопросы – позвоню. – Гуров пожал Трушину руку и вышел из кабинета. Поворачиваясь к выходу, он успел заметить, как тот облегченно выдохнул и плюхнулся в кресло. Облегчение капитана было понятно: от таких дел редко избавляются без последствий, а ему, можно сказать, повезло. Чего нельзя было сказать про самого полковника.

Глава 2

Как и ожидал Гуров, общение с капитаном Трушиным принесло мало результатов, разве что дало общее представление о том, насколько безнадежное дело ему поручено, но об этом он и раньше догадывался. Других дел генерал Орлов ему не поручал. Отчет судмедэксперта в папке Трушина выглядел сухим и деловито-сжатым. Сплошные специфические термины и голые факты. Гурову же нужны были мысли и впечатления. И еще ему важно было самому взглянуть на труп. Откуда пришло такое желание, Лев объяснить не мог. Не то чтобы он надеялся разглядеть на теле что-то такое, чего не смогли увидеть другие, просто знал, что должен увидеть тело собственными глазами. Не на фото, а в реальном виде. И раз уж такое желание возникло, Гуров напрямик отправился в Царицынский морг, куда доставили тело.

Патологоанатома Сергея Юркова он застал в комнате отдыха. Тот сидел, уткнувшись носом в очередную статью излюбленного ежемесячника «Судебная медицина», и прихлебывал пахучий чай из огромной керамической кружки. Услышав шаги, подскочил с продавленного дивана и вместо официального рукопожатия сгреб друга в объятия. Гуров считался мужчиной высокого роста, но до Юркова ему было далеко. Патологоанатом был на голову выше и на добрых пятнадцать сантиметров шире в плечах. Гуров буквально утонул в медвежьих объятиях друга, которые, к его радости, длились недолго.

– Лев Иванович, дружище, какими судьбами? – отпустив полковника, пробасил Сергей. – Неужто соскучился?

– И это тоже, – улыбнулся в ответ Лев.

– Но не без деловой подоплеки, – хитро прищурился Юрков. – Знаю я вас, «важняков», ни дня без геморроя.

– Ты даже не представляешь, насколько прав, – засмеялся Гуров. – Геморрой еще тот.

– Не по душу ли неопознанной покойницы? Той, что из парка?

– И снова угадал, Серега. По ее душу, – подтвердил Гуров. – Вернее, по ее тело.

– Что, даже чаю не попьешь? – попытался пошутить Юрков. – Как-никак к другу приехал. Перерыв на чай вполне уместен.

– Давай свой чай. – Гуров повел носом, втягивая аромат свежесваренного напитка: – Пахнет одуряюще!

– Вот и славно. Садись, Лева, почаевничаем. – Сергей засуетился, доставая вторую чашку и наполняя ее напитком из термоса. – А пока наслаждаемся дарами солнечного Цейлона, я тебе про твою незнакомку расскажу. Совместим, так сказать, приятное с полезным.

– Я только «за». Рассказывать есть о чем?

– Пожалуй. – Юрков сделал глубокий вдох, лоб его прорезала глубокая морщина. – Я тебе так скажу: странное это тело, весьма странное. Как раз по тебе.

– Вот как? – Гуров слегка удивился. – И в чем же его странность?

– Ты чай пей, а то остынет, а говорить буду я. – Сергей поставил перед полковником чашку, придвинул блюдо с пирогами. – Угощайся, это мне санитарки презентовали, – а сам принялся выкладывать все, что узнал об интересующей Гурова покойной.

Тот факт, что девушка умерла насильственной смертью, он считал невероятным. Его ощущения проистекали из долгого жизненного и профессионального опыта. Такие девушки, как попавшая в его «секционную» незнакомка, просто не должны умирать подобным образом. Юрков не смог отнести ее ни к одной группе риска. Девушка не была наркоманкой, следов каких бы то ни было наркотических веществ в организме неизвестной обнаружить не удалось. Не была она и алкоголичкой. Печень неизвестной тянула на Нобелевскую премию. В ее возрасте, который Юрков определил как двадцать пять – двадцать девять лет, печень выглядит иначе даже у тех, кто следит за своим здоровьем. Здесь же просто не к чему было придраться:

младенческая печень, да и только. Остальные внутренние органы не уступали печени. Почки в норме, желудок без единого намека на гастрит или язву, поджелудочная при жизни работала как часы. Правда, сердце слегка подвело, тонус мышц указывал на серьезные нагрузки, но и его состояние не было критичным.

А вот мозг свидетельствовал о том, что девушка систематически испытывала сильный стресс и наверняка страдала частыми головными болями. До инсульта или аневризмы ей было далеко, но гипоталамус, отвечающий за работу эндокринной системы, вырабатывающей достаточное количество гормонов, необходимых для преодоления стрессовых ситуаций, выглядел весьма печально. Из чего Юрков сделал вывод, что при жизни девушка занималась умственным трудом, доводящим ее мозг до изнеможения.

Во всем остальном патологии он не обнаружил. В целом можно было сказать, что неизвестная хорошо питалась, и это лишний раз подтверждало, что к таким группам риска, как бродяжки и люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, она не относилась. Занималась спортом, скорее всего, бегом. И бегала на свежем воздухе, а не в душной тренажерке. Цвет лица свежий и тоже ухоженный, ногти и волосы в идеальном состоянии. Одним словом, не девушка, а актриса из рекламного ролика.

Особо Юрков отметил, что девушка не рожала, следовательно, детей у нее быть не могло, по крайней мере, своих. Жила она, видимо, одна, так следить за собой и при этом работать на износ могла только совершенно свободная от семейных обязательств женщина.

– Вот то, что я думаю о твоей подопечной. Одинокий трудоголик, у которого друзья-то вряд ли найдутся, – подытожил Юрков свой рассказ.

– Тем не менее кому-то она настолько помешала, что он не поленился заманить ее в укромное место и свернуть шею, – заметил Гуров. – А после этого не поленился отвезти в лесопарковую зону. Зачем так утруждаться, если девушка жила одна? Я понимаю, если бы у нее была куча родственников, которые через час поднимут тревогу, если она не ответит на телефонный звонок. Чем дольше ее будут искать, тем более вероятно, что преступник успеет скрыться. Но ведь куда проще было бы оставить ее дома.

– Почему проще? – переспросил Юрков. – Насколько я знаю, в ту часть парка, где ее нашли, люди редко забредают. Она могла пролежать там и месяц, если бы не случайность. Оставь они ее в квартире, запах пошел бы куда раньше, и соседи поневоле зашевелились бы. По мне, так все логично.

– Ты забываешь о работодателях, – напомнил Лев. – Убили девушку в пятницу, конец рабочей недели. Два дня на работе ее не хватились бы. В понедельник, скорее всего, ограничились бы телефонными звонками, а вот во вторник отправили кого-то из сотрудников к ней на квартиру. Четыре дня форы, неплохо для начала. В парке же всегда есть риск, что на труп наткнется кто-то из гуляющих. Те же собачники, их преступник не должен был сбрасывать со счетов.

– Возможно, ты и прав, – согласился Юрков. – Так почему ее отвезли в парк, как считаешь?

– Не просто отвезли, а упаковали в чемодан, заранее избавившись от всех предметов, способных привести к идентификации трупа, – снова напомнил Гуров. – И это наводит на определенные мысли.

– Тот, кто ее убил, не хотел, чтобы тело опознали, – догадался Юрков.

– Вот именно. Им было важно, чтобы тело не опознали, – произнес Лев, выделив слово «важно». – Почему это было важно?

– Ну, ты опер, ты и угадывай, – пожал плечами Юрков. – Мое дело – тела читать.

– Идеально здоровая девушка, наверняка не из бедных, раз могла себе позволить хорошо питаться и следить за состоянием кожи и ногтей, верно?

– Деньжата у нее водились, это факт, – подтвердил патологоанатом. – Видел бы ты ее маникюр, баксов сорок стоит, не меньше.

– Да ладно! Это сколько ж на наши «деревянные»?

– Не по твоим деньгам, – невесело усмехнулся Юрков. – Твоя Мария наверняка в подобные салоны не заглядывает.

– А ты-то откуда столько про маникюр знаешь?

– Работа обязывает. Салон, где она маникюр делала, я тебе, конечно, не назову, но то, что влетел он ей в круглую копеечку, гарантирую.

– Пойдем-ка, Серега, посмотрим на твою страдалицу, а заодно и маникюр ее оценим, – поднимаясь, предложил Гуров.

– Пойдем, отчего не посмотреть, – пожал плечами Юрков и, первым выйдя из комнаты отдыха, направился к двери с надписью «Холодильная камера». Открыв дверь, он пропустил Гурова внутрь, подвел к стеллажу с тремя рядами прямоугольных дверей, размером семьдесят на пятьдесят. Не сверяясь с записями, открыл дверцу под номером шестнадцать и, медленно выдвинув закрепленные на полозьях носилки, приоткрыл бумажную простыню до плеч. Первое, что бросилось в глаза, – шикарная копна рыжих волос. Не искусственно рыжий, а натуральный, с красноватым оттенком и приятным блеском даже после смерти. Лицо казалось безмятежным и все еще красивым. При жизни девушка наверняка ловила на себе восхищенные взгляды мужчин и завистливые взгляды женщин.

– Дальше открывать? – спросил Юрков и, когда Лев кивнул, сбросил простыню, обнажив тело полностью. Как он и говорил, на теле не было ни синяков, ни ссадин, ни царапин. Руки покойной Юрков сложил на груди, как полагалось по христианскому обычаю, правая поверх левой. Маникюр, о котором он так долго разглагольствовал, не показался Гурову ни шикарным, ни дорогостоящим. Бледный матово-белый цвет, украшенный на безымянном пальце тонкой серебряной полоской, расположенной ближе к кутикуле. Гуров машинально бросил взгляд на ноги покойной. Как он и предполагал, педикюр также входил в обязательный комплект ухода за телом.

Достав мобильный телефон, он сделал несколько снимков, отдельно засняв маникюр и педикюр. Юрков вопросов не задавал, лишь слегка поморщился. Процедура «фотосессии» его покорила, но кто он такой, чтобы делать замечания оперу убойного отдела?

– Не кривись, Серега, – заметив эту гримасу, проговорил Лев. – Быть может, это моя единственная зацепка. Если ты говоришь, что маникюр дорогой, значит, имя девушки можно отследить по салонам. Много ли в столице подобных салонов?

– Думаю, немало, – ответил тот. – Нынче женщины на себе не экономят.

– С чего такой вывод? – в очередной раз удивился Гуров.

– С того, что позволить себе на внешности экономить могут либо слишком бедные, либо слишком богатые дамы, – назидательно произнес Юрков. – Первым ни за что на дорогой уход денег не собрать, вторым же плевать, что про них подумают окружающие. Остальные вынуждены соответствовать веяниям времени. Работодатель не станет держать в элитном заведении девушку с заросшими заусенцами ногтями. К ней клиенты не пойдут, а это прямой убыток фирме.

– Убедил, – улыбнулся Лев и добавил: – Ладно, мне пора. Спасибо за помощь.

– Не за что, – кивнул Юрков, вернул на место простынь и, задвинув носилки, закрыл холодильную камеру. – Пойдем, провожу тебя до выхода.

На крыльце обменялись рукопожатием, Юрков вернулся в морг, а Гуров пошел на парковочную площадку. Он решил отложить беседу с собачником, обнаружившим труп, до следующего утра. Ему хотелось провести беседу в официальной обстановке, а не среди кучи питомцев Худышкина. А вот отправить людей на долгий и нудный опрос жильцов микрорайона близ Лосиног парка решил сегодня. Вечернее время – самое подходящее для поквартирного

обхода. Большая часть жильцов наверняка принадлежит рабочему классу, когда же их опрашивать, если не вечером? Для этого нужно было вернуться в отдел, собрать команду и провести инструктаж. Гуров завел двигатель и поехал на Петровку.

В Управление он попал только к шести, застряв в пробке на Каширском шоссе. Личный состав убийного отдела к тому времени разбежался по домам, поэтому ему ничего не оставалось, как отложить все розыскные мероприятия до утра. Не особо надеясь на удачу, Лев заглянул в аналитический отдел, и, к вящей радости, застал там капитана Жаворонкова. Тот возился с какими-то подсчетами, щелкая пальцами по клавиатуре компьютера. Заметив полковника, он вежливо улыбнулся и спросил:

– Помощь нужна?

– Точно, Валера, еще как нужна.

– Какого рода помощь?

– Список пропавших без вести.

– Кого ищем? За какой срок? – деловито осведомился Жаворонков, сворачивая окна рабочих файлов.

– Девушка двадцати-тридцати лет, – намеренно расширяя возрастной диапазон, сообщил Гуров. – Заявления полугодичной давности, принятые как от родственников, так и от друзей и работодателей.

– Ищем москвичку?

– Пожалуй, просмотреть придется всех, но приоритет на москвичек. Сможешь сделать два списка?

– Без проблем, товарищ полковник, – уверенно проговорил Жаворонков. – Подождете или к себе пойдете?

– У себя в кабинете буду, – ответил Лев. – Список можешь с дежурным передать, как закончишь.

– Сам принесу, мне не трудно. Тут всех дел минут на двадцать, – пообещал Жаворонков.

– Спасибо, Валера, – поблагодарил Гуров и удалился.

В кабинете было пусто, Крячко на месте не оказалось. Устроившись за компьютером, он закрыл глаза и принялся размышлять.

Тело девушки доставили в общественное место уже после смерти, это подтвердил Юрков. Представить, как некто топает по парку с огромным чемоданом в семь часов вечера, когда солнце вовсю светит и машины по дороге мчатся сплошным потоком, Гуров не мог, поэтому сразу отбросил версию с ранним приездом преступника. Скорее всего, тот действовал в темноте, а это значит, что приехал он в парк после двадцати двух часов. Везти в багажнике труп, пусть и упакованный в чемодан, по городским улицам тоже довольно рискованно. Значит ли это, что девушку лишили жизни неподалеку от парка? Возможно.

Лев включил компьютер, вывел на экран карту Москвы и принялся высчитывать район возможного действия преступника. Все населенные пункты, что находились за Кольцевой дорогой, он пока исключил, и все равно список получился внушительный. Второстепенных дорог, ведущих к парку, было столько, что определить направление, откуда привезли труп, не представлялось возможным. Отодвинув в сторону мыш, Гуров взял лист бумаги. Разделил его вертикальной полосой на две части. В правую колонку выписал те пункты, которые обсуждал с Юрковым, а точнее, то, кем погибшая не могла быть: не наркоманка, не уголовница, не алко-голичка, не бомжиха и так далее. В левую колонку внес параметры, описанные тем же Юрковым, которые тот отнес к положительным: питание, уход, спортивные занятия, материальное положение и возраст. Подчеркнув жирной чертой написанное, крупно вывел причину смерти. На вытянутой руке отнес листок подальше и посмотрел на плоды своего труда как бы со стороны. Получалось следующее: жила себе девушка, молодая, красивая, без материальных проблем и проблем со здоровьем. Правда, жила одиноко, ни мужем не обзавелась, ни ребенком.

Трудилась на износ, однако не позволяла переутомлению сказываться на внешности. И вдруг кто-то решил лишить ее жизни.

За что ее могли убить? Гуров взял следующий лист. Теперь в правую колонку он начал выписывать возможные причины убийства: ревность, месть за прошлые проступки, наследство, работа. Записав, начал разбирать каждый пункт отдельно. Ревность казалась маловероятным мотивом. Хотя бы потому, что Юрков выразил уверенность – девушка одинока. Одинокую девушку некому ревновать. Впрочем, пока факт одиночества не доказан, остается вероятность того, что убитая имела связь с женатым мужчиной. Такая связь не требует много времени и сил, так почему бы и нет? Жена изменщика узнала об убитой и решила избавиться от нее. И что? Она наняла киллера, который свернул сопернице шею, раздел донага, засунул в чемодан и отвез в парк? Нет, этот вариант маловероятен. Скорее жена изменщика пришла бы к разлучнице лично. Могла умолять бросить мужа, могла угрожать и даже как-то навредить девушке, но чтобы шею свернуть, а потом в чемодан? Сомнительно.

Вторая причина – месть человека, оскорбленного или обиженного в прошлом. Тоже как-то не вяжется. Не настолько убитая стара, чтобы успеть занять кровного врага. Впрочем, у Гурова в прошлом встречались дела, когда молодых людей убивали за проступки многолетней давности. Что в этом случае могла натворить девушка, подобная убитой? Опять же, мужика у жены увести? Или же проходить свидетельницей по какому-то уголовному или административному делу? Тот, кто был осужден благодаря ее показаниям, мог выйти на свободу, отыскать девушку и расправиться с ней. Способ убийства в этом случае вполне подходящий, а вот последующие действия убийцы совсем не вяжутся с данной версией. Преступник только вышел на свободу, зачем подвергать себя дополнительному риску и тащить тело в парк?

Наследство – версия хорошая, если принимать во внимание достаток девушки. Она не бедствовала, питалась отменно, маникюр за сорок баксов себе позволяла, а это значит, что и жилье в Москве могла иметь. За квартиру запросто способны убить, такое в столице не редкость. В этом случае преступник должен объявиться со дня на день, остается только терпеливо ждать. А когда он объявится, появится и направление в расследовании. Тело в квартире не оставили, чтобы запутать следствие, такое тоже нередко практикуется. Правда, этот трюк мало кому помогает, но преступники об этом не знают. Или не хотят знать.

И снова не сходится. Если наследник собирается вступить в законные права, зачем он избавился от всех предметов, способствующих опознанию трупа? Не логичнее ли было оставить при убитой одежду, сумочку, а еще лучше – паспорт? Найдено тело, произведено опознание, заявляй о своих правах. Ведь и школьнику известно: нет трупа, нет и наследства. Родственников объявляют пропавшим без вести, и наследники томятся в ожидании. Сколько в этом случае по закону ждать придется? Пять лет, да и то не всегда после пятилетнего ожидания люди получают полный доступ к нажитому пропавшим без вести. Так рисковать – и все впустую? Глупо.

Работа – четвертый мотив. Допустим, девушка работала в какой-то крупной фирме. Могла она в своем возрасте занимать солидную должность? Вполне. Это подтверждается стрессовыми нагрузками на организм и стабильным материальным положением. Например, главный бухгалтер. Они и зарабатывают неплохо, но и поводов для стресса у них хоть отбавляй. Что в этом случае могло произойти? Провернула махинацию с деньгами, обокрала босса, а тот, узнав правду, расправился с мошенницей. И что же, он вот так запросто простил ей потерю денег? Или же она без какого бы то ни было физического давления отдала ему уворованное? Скорее билась бы до последнего, понимая, что, как только босс получит деньги назад, ее часы сочтены. Но девушку не пытали, на теле нет никаких следов насилия. Значит, эта версия отпадает.

Рабочий мотив мог означать и то, что не сама убитая, а кто-то из заместителей босса наложил лапу на деньги фирмы. Девушка, как главный бухгалтер, об этом узнала и не придумала ничего лучше, как пригрозить разоблачением махинатору. А тот, недолго думая, убил ее.

Чтобы получить возможность припрятать деньги и скрыть следы финансового преступления, раздел девушку и вывез в парк. Неопознанным трупом она ему долго не навредит. Хорошая версия, жаль, подтвердить нечем.

Опять же, если ты главбух в солидной фирме, тебя обязательно хватятся. Значит, в списке Жаворонкова вышеозначенная дама непременно будет числиться. Тогда дело из разряда «висяков» перейдет в разряд быстрораскрываемых. Мечта любого опера! Но Гурова и эта версия смущала. Главными бухгалтерами в солидных фирмах полных дур не назначают, а пойти в открытую против финансового мошенника, никак не обезопасив себя, могла только полная дура. Конечно, есть вероятность, что девушка действовала не так открыто, а мошенник все равно узнал, что ему грозит разоблачение. Но в этом случае он наверняка попытался бы откупиться. Неужели преданность боссу помешала бы одинокой девушке пополнить свой счет кругленькой суммой? Вряд ли. Такая преданность нынче не в чести. Скорее она взяла бы деньги, уволилась с работы и начала бы жизнь на новом месте. Знания, опыт, внешность – все при ней. Зачем наживать себе врагов там, где можно нажить состояние?

Разумеется, есть риск быть разоблаченной вместе с махинатором, и тогда уже главбуху «светили» не Канары, а нары, но это только при самом плохом раскладе. Наверняка мошенник действовал с умом, а заручившись поддержкой главбуха, спрятать концы в воду еще проще. Да, дилемма! Прямо как в сказке. Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Какой вариант ни возьми, без исходных данных он так и останется эфемерной теорией. Не в силах усидеть на месте, Гуров встал и принялся мерить шагами кабинет. «Хоть бы уж скорее Валера списки принес», – нетерпеливо подумал он и, вернувшись к своему столу, решил позвонить в аналитический отдел, чтобы простым и проверенным способом ускорить процесс. Однако не успел он поднять трубку, как Жаворонков сам появился в дверях.

– Готово, товарищ полковник, – доложил капитан. – Два списка, как вы и просили.

– Давай их сюда, – не особо вежливо потребовал Гуров.

– Первый, тот, что длиннее, полный. Второй – исключительно москвички, – выкладывая листы перед полковником, пояснил Жаворонков.

Голос его при этом звучал слегка обиженно. Он не понимал, за что рассердился на него полковник. Лев понял, что совершил оплошность, и, спеша исправить положение, извинился:

– Прости, Валера, зря я вспылел. Просто у меня тут картина никак не складывается, вот я от нетерпения на людей и бросаюсь.

– Ерунда, я и не заметил, – повеселел Жаворонков и тут же предложил: – А хотите, я вам со списками разобраться помогу?

– Поздно уже, иди отдыхать, – отказался от помощи Гуров. – Ты и так задержался из-за меня.

– Мне не трудно, – настаивал Жаворонков. – И потом, мне на завтра начальство отгул одобрило. Буду отсыпаться до обеда. А вам еще работать.

– Ну, если ты настаиваешь, – сдался Лев. – Помощь мне не помешает. Крячко дергать генерал запретил. Слышал наверняка?

– Что-то такое парни в отделе обсуждали, – смутился Жаворонков. – Да я их не слушаю, мало ли что они набредут?

– Не набредали. Мне действительно наложили вето на использование физической и умственной поддержки напарника. Так что в этом деле я сам по себе.

– Вы с какого списка начнете, товарищ полковник? – желая уйти от щекотливой темы, спросил капитан. Обсуждать проблемы коллег, чье звание выше его, он считал неприемлемым.

Гуров догадался о том, что тема Жаворонкову неприятна, и не стал развивать мысль. Вместо этого протянул ему полный список и дал четкие указания: в первую очередь искать рыжеволосых. Если Жаворонков и удивился выбранному критерию, то вида не подал. Придвиг-

нув стул поближе к столу, он вооружился карандашом и принялся изучать список. Гуров взял в руки распечатку пропавших москвичек и тоже углубился в чтение.

Какое-то время работали в полном молчании. Потом капитан не выдержал, любопытство взяло верх, и он спросил:

– Товарищ полковник, а что, кроме цвета волос, у пропавшей никаких дополнительных особых примет не найдено?

– Никаких, Валера, – вздохнул Лев. – Разве что маникюр, но эту деталь в заявлении о пропаже вряд ли указывают.

– Не скажите, товарищ полковник, – возразил Жаворонков. – Вот года два назад у Егорьева дело было. Так там мужчину искали с пирсингом и черными ногтями трехсантиметрового размера. И ведь он не относился к так называемой субкультуре готов, просто решил, что длинные ногти и черный лак приятно контрастируют с его белокурыми волосами и бледной кожей. Псих, одним словом.

– Это совсем другое, – заметил Гуров, слушавший капитана вполуха. Все его внимание занимали записи.

– Может, и так, но я все равно буду искать и этот признак, – миролюбиво произнес Жаворонков. – Какие ногти у вашего трупа?

– Матово-белый маникюр с серебряной полосой на безымянном пальце, – поняв, что он не отстанет, ответил Гуров. – Еще, скорее всего, неизвестная не имеет семьи или же редко с ними общается.

– А это вы как узнали? – искренне удивился Жаворонков. – Неужели по трупу и такое можно определить?

– Кое-кто может, – усмехнулся Лев. – В нашей системе, капитан, работают весьма способные люди.

– Здорово! – почему-то обрадовался Жаворонков. – Интересно, а если бы мой труп в неопознанные попал, смогли бы по нему определить, что я проявлял способности к аналитической работе? Или что жил один?

– Насчет аналитики не знаю, а вот что поболтать любил – это непременно, – подавив смех, заявил Гуров.

– А по какому признаку? – на полном серьезе спросил Жаворонков.

– По языку опухшему, – не выдержав, рассмеялся Лев. – У всех, кто много болтает, язык во рту не помещается.

– Шутите, – догадался Жаворонков, но на шутку не обиделся. – А я-то, дурень, поверил.

– Ладно, не принимай на свой счет. Просто я больше в тишине работать привык. Так лучше думается.

– Я понял, мне нужно умолкнуть, – деловито кивнул Жаворонков и, склонившись над списком, на этот раз замолчал надолго.

Гуров углубился в работу, напрочь забыв о существовании капитана. Одно за другим он просматривал заявления, вычеркивая из списка имена тех, кто казался ему совершенно бесперспективным, и отмечая галочками имена, над которыми стоило поработать. Спустя двадцать минут он случайно бросил взгляд на Жаворонкова и невольно улыбнулся. Капитан сидел с закрытыми глазами и клевал носом, время от времени упираясь лбом в столешницу.

– Отставить, капитан! – громко произнес Лев.

Жаворонков подскочил на стуле, заморгал сонными глазами, не понимая, что происходит и где он находится.

– Что? Где? – вырвалось у него, и тут он понял, что заснул в кабинете полковника. Краска смущения залила щеки. – Простите, товарищ полковник, я, это, заснул, что ли?

– Это самое, – продолжая улыбаться, подтвердил Гуров. – Собирайся, капитан, пора на боковую.

– Да нет, товарищ полковник. Это я от тишины, а не от усталости, – начал оправдываться Жаворонков. – Я в тишине хуже работаю.

– Выходит, мне для тебя спеть нужно было, чтобы ты мне столешницу рогом не буравил? – пошутил Лев.

– Нет, петь не нужно, – испугался Жаворонков. – Я лучше вслух читать буду, тогда точно не усну.

– Лучше ты пойдешь домой и как следует выспишься. Рабовладельческий строй давно отменили, иди отдыхать.

– Разрешите еще часок поработать, товарищ полковник, – настаивал Жаворонков. – Одному вам с этими списками до утра не справиться.

– Ладно, оставайся. Но если снова носом клевать начнешь, тут же домой отправишься. Это приказ, капитан.

– Есть, отправиться домой, как только начну засыпать, – бодро согласился Жаворонков и тут же добавил: – А вслух читать разрешите?

– Читай, – коротко бросил Лев и вернулся к изучению заявлений.

Жаворонков просмотрел два последних листа и принялся читать с того места, где закончил:

– Пропала девушка, возраст двадцать пять полных лет. Рост сто пятьдесят четыре сантиметра, вес примерно восемьдесят килограммов. Ого, натуральный колобок. А ваша пропавшая девушка стройная? Да, наша стройная. Итак, гражданку Варыпаеву вычеркиваем. Кто у нас следующий? Девушка двадцати трех лет, рост сто семьдесят шесть сантиметров. Ее сразу в корзину. Наша красавица пониже будет. Следующий.

Под монотонное бормотание Жаворонкова Гуров дошел до последней пятерки заявлений. Надежда найти среди пропавших ту, что лежала сейчас в Царицынском морге, таяла с каждым вычеркнутым именем. «Неужели все труды впустую? – расстроено подумал он. – И Валерку понапрасну мурыжу, и сам время теряю. А все равно проверить нужно до конца. Отрицательный результат – тоже результат, не так ли мудрецы считают? Эх, хоть бы какая зацепочка появилась, а то ведь и начать не с чего. Генерал наверняка завтра первым делом на ковер вызовет. Отчета потребует. Что я ему скажу?»

Но в этот вечер удача была не на стороне полковника Гурова и капитана Жаворонкова. Просидев над списками до двух часов ночи, нужного заявления они так и не нашли. Отпустив капитана, Лев собрал листы в отдельную папку, выключил компьютер и поехал домой.

Глава 3

Новый день для Гурова начался не совсем гладко. Обещанные генералом Орловым «неограниченные ресурсы личного состава» каким-то волшебным образом превратились в скудную шестерку оперов, трое из которых служили в Управлении меньше года и совершенно не были знакомы с методами работы полковника. В итоге на инструктаж он потратил битых два часа, но и тогда уверенности в том, что собранная группа выполнит задание так, как следует, у полковника не появилось.

План оперативно-разыскных мероприятий был до смешного прост, но это не означало, что его выполнение окажется легким. Гуров разделил оперов на пары и каждой паре дал конкретное задание, которое те должны были выполнить к шести часам вечера, после чего вернуться в Управление с отчетом. Двое из них отправились на поквартирный обход прилегающего к Лосиному парку жилого массива. Двоих он отправил по элитным салонам красоты, снабдив снимками маникюра убитой. Еще двое получили задание и того сложнее: вооружившись зубной картой неизвестной, им предстояло обойти стоматологические клиники Москвы, начиная с района близ места происшествия.

Ни один из оперативников радости ввиду предстоящей работы не испытывал, и Гуров их за это не винил. Он прекрасно осознавал, что посылает их на поиски иголки в стоге сена. А что оставалось делать? Сложить руки и по примеру капитана Трушина ждать, что кто-то придет и заберет дело «Девушки в чемодане»? Только если у Трушина была хоть какая-то надежда на подобный исход, то ему такая удача явно не светила. Скорее дождется нагоняя от генерала. Тот будет кричать и брызгать слюной, доказывая Гурову, что результатов нет лишь потому, что он плохо старается. И, пожалуй, будет прав.

Гурову и самому предстояло занятие не из приятных. Во время ночного бдения в компании с капитаном Жаворонковым он отсортировал порядка десяти заявлений о пропаже девушек в возрастном диапазоне от двадцати трех до двадцати семи лет. Описание пропавших из этого списка не совсем точно совпадало с имеющимися параметрами, а по снимкам, представленным родственниками, понять, является ли пропавшая той самой, что найдена в Лосином парке, ввиду плохого качества снимков, а порой и давности предоставленного фото, было невозможно. Здесь Гуров делал скидку на разницу в возрасте и не всегда точное описание родственников.

По опыту он знал, что близкие порой не знают о своих родных элементарных вещей. Таких, как рост и вес, например. Что касается остального, то и подавно. В его практике был случай, когда двоюродный брат дал описание пропавшего родственника, перепутав даже цвет волос. Назвал русый, а на деле оказалось, что волосы пропавшего имеют характерный пепельно-седой оттенок. Когда заявителя спросили: как так вышло, что он перепутал цвет волос, тот растерянно ответил, что родственник был таким в возрасте чуть больше двадцати, а к сорока годам поседел. Заявитель решил, что первоначальный цвет важнее для поиска, и объяснить свое решение никак не смог.

Семь человек из подготовленного списка не являлись жителями столицы. Разбираться с их родственниками предстояло исключительно по телефону. Гуров послал запросы в города, в которых проживали родственники пропавших в Москве девушек, назначив время для беседы с интервалом в тридцать минут. Местным операм предстояло организовать доставку родственников в отдел, проследив за тем, чтобы те озаботились поиском наиболее поздних фотографий пропавших, и наладить видеосвязь со столицей. А пока шла подготовительная работа в областях, Гурову предстояло встретиться с родственниками оставшихся трех, которые проживали в столице.

Он не стал приглашать родственников в отдел, посчитав, что будет лучше встретиться с ними на их территории. В случае, если его предположение подтвердится, им и так предстояло нелегкое испытание опознания. Выехать по адресам Лев смог только в четверть одиннадцатого, а первый сеанс видеосвязи был назначен на три часа дня, так что в его распоряжении оставалось не так много времени. Особенно если учитывать ситуацию на столичных дорогах.

До первого заявителя он доехал в максимально короткий срок, за сорок минут добравшись до улицы Лобачевского. Заявителем оказался дородный дядька лет пятидесяти пяти. Пропавшая приходилась ему племянницей по линии жены. Сама жена, уроженка села Панино Воронежской области, лет десять как скончалась, а вот родственники ее до сих пор присылали своих детей в столицу, полагая, что дядька обязан устраивать их судьбу. Все это Дмитрий Пружаков буквально с порога вывалил на Гурова, как только тот появился в дверях.

– А мне это надо? – раздраженно потрясая головой, громогласно возмущался Пружаков, его массивный третий подбородок при этом трясся, как плохо застывший студень. – Я ее приютил, обогрел, а она вон что выкинула. Теперь мне еще по милициям бегать.

– Вы позволите войти? – Гуров решительно отодвинул хозяина в сторону, проходя в прихожую. – Не думаю, что разговор на пороге такая уж хорошая идея.

– Да, да, проходите, – запоздало предложил Пружаков. – Не обращайтесь внимания на беспорядок, я немного расстроен, а в таком состоянии, сами понимаете, не до уборки.

Гуров прошел в гостиную, запущенную до безобразия. Старая мебель хранила следы долгих возлияний и чрезмерного увлечения кулинарными изысками. Потёки от сока соседствовали с пятнами жира, а кое-где и с присохшими к мебели остатками пищи. Занавески на окне походили на физическую карту мира, так много было на них пятен всех цветов и оттенков. По всей видимости, хозяин гостиной использовал занавески вместо салфеток. У кресла, расположенного возле окна, стоял журнальный столик. Гора немытой посуды высотой с Эйфелеву башню выглядела так, будто в любой момент готова рухнуть. Под столом скопились бутылки исключительно одного сорта водки, вероятно, самой дешевой из ассортимента ближайшего супермаркета. Перехватив хмурый взгляд Гурова, Пружаков сделал вялую попытку оправдаться.

– А чего вы ждали? Я уже две недели на нервах, – заявил он и даже нотку слезливости в голос добавил. – Как Ларочка исчезла, так я места себе не нахожу. Все думаю: где она, как она? Что, если ее не найдут, мне ведь перед родней отчитываться.

– Так родственники Ларисы не знают о ее пропаже? – опешил Гуров.

– Разумеется, нет! Как я им об этом скажу, когда и сам не в курсе, что с Ларочкой случилось?

– И вы не связывались с ними, чтобы узнать, не дома ли она?

– Ну, почему, звонил. Узнал, как у них дела, какие новости. Так они про Ларочку ничего не говорили, значит, не дома она. Тогда я в полицию и пошел, заявление писать.

– В какой комнате жила Лариса? – спросил Гуров, оглядываясь на две закрытые двери в узком коридоре.

– В той, что слева. Там ее спальня, – охотно отозвался Пружаков. – Желаете взглянуть?

– Если можно.

– Можно, только дверь на ключ заперта, а ключа у меня нет, – неожиданно заявил хозяин. – Ларочка – девочка скрытная, как въехала, сразу замок в дверь врезала. Я не противился, пусть себе закрывается, мне-то что? Пока она условия выполняет... – Пружаков осекся, сообразив, что сболтнул лишнее, но Гуров тут же зацепился за его слова и строго спросил:

– Что за условия?

– Да так, бытовые мелочи, – неохотно произнес Пружаков. – Мусор выносить, на кухне прибирать. То да се.

– Про это «то да се» поконкретнее, пожалуйста.

– Ну, Ларочка не совсем безвозмездно моим гостеприимством пользовалась, – промямлил Пружаков. – Продукты мне иногда покупала, из бытовой химии кое-что.

– И спиртное, – подытожил Лев.

– Бывало, – не стал отрицать очевидное Пружаков.

– Поэтому вы в розыск и подали, не хотелось лишаться дармовой выпивки.

– Почему дармовой? Знаете, сколько в Москве квартиру снять стоит? Тыщи немереные! А я ее за просто так пускал. Даже за коммунальные платежи с нее не высчитывал. Подумаешь, пару бутылок «сорокоградусной» в месяц купить. Это же халява.

– На работу к Ларисе вы обращались? Быть может, она просто от вас ушла, а не пропала без вести?

– Нет ее на работе. Сказали – уволилась. А как уволилась, если ей жить на что-то надо?

– Оставайтесь здесь, я осмотрю ее комнату. Отвертка у вас найдется? – спросил Гуров.

– В прихожей в верхнем ящике комода, – ответил Пружаков и, усевшись в любимое кресло, загремел бутылками, отыскивая среди них недопитую.

Лев прошел в прихожую, выдвинул верхний ящик комода. Там действительно лежали инструменты. Выбрав отвертку покрупнее, прошел к двери комнаты Ларисы. Замок на двери оказался несложной конструкции, он справился с ним за пару минут. Войдя в комнату, сразу понял: версия о том, что девушка попросту сбежала от пьяницы-дядьки, не подтвердилась. Все личные вещи девушки оказались на месте. В шкафу висела одежда на все сезоны, на прикроватной тумбочке стояли флаконы духов и тюбики крема, на стене висели фотографии в дешевых рамках, преимущественно одних и тех же мужчины и женщины. Лев решил, что на снимках родители Ларисы. Как ни крути, а оставить все это по доброй воле девушка не могла, хоть фотографии, но забрала бы.

Он открыл тумбочку, проверил содержимое. Пара любовных романов в мягкой обложке, косметичка, электронный планшет не из дешевых, кое-что из посуды, видимо, Лариса брезговала пользоваться одной посудой с дядей. Затем включил планшет, заряда в нем оставалось процентов тридцать. Поискал папку с фотографиями, открыл ее и начал просматривать снимки. На них была изображена девушка в компании друзей и в одиночестве. Гуров вздохнул. Никакого сходства с девушкой, найденной в Лосином парке. На всякий случай решил убедиться, что на снимках изображена именно Лариса, и предъявил снимки Пружакову. Тот подтвердил, что это она, и Лев, вернув планшет на место, запер дверь и вернулся в гостиную.

– Простите, что отнял у вас время, – сухо проговорил он. – Если появятся новости о Ларисе, вас оповестят.

– Так а зачем вы приходили? – не понял Пружаков. – Разве вы не нашли Ларочку?

– Нет, мы ошиблись, – ответил Гуров и быстрым шагом вышел из квартиры. Остаться в доме Пружакова дольше необходимого у него не было никакого желания.

Родственники второй девушки из списка оказались полной противоположностью пропойцы Пружакова. Дорогая квартира в элитном доме довольно престижного района. Встретила Гурова мать пропавшей. Сухо поздоровалась, провела в шикарно обставленную гостиную и выложила перед ним фотоальбом в электронном формате, заявив, что эта вещь принадлежит дочери. На снимках была изображена девушка, чем-то отдаленно напоминающая убитую. Вот только волосы... Девушка на фото так часто меняла цвет волос, что из доброй сотни просмотренных снимков Лев так и не встретил того оттенка рыжего, что у покойной.

Пришлось задавать вопрос матери. Та подтвердила, что натуральный цвет волос ее дочери – рыжий. Она предоставила в районный отдел более двух десятков снимков, но по какой-то причине сотрудники полиции, составлявшие досье, выбрали ту, что видел Гуров. На ней, по словам матери, девушка снята три года назад, когда период поиска своего стиля еще не вышел за рамки разумного. Гуров прокрутил в голове содержание заявления: девушка пропала два месяца назад, тогда ее волосы были окрашены сразу в три цвета. Произведя нехитрые под-

счета, он понял, что, даже если бы девушка обрила голову наголо, пышная рыжая шевелюра не успела бы вырасти до дня предполагаемой гибели. Подробности расчетов он матери сообщать не стал, ограничившись заявлением, что найденная девушка не ее дочь, и, произнеся стандартную фразу о том, что в случае появления новостей с ней свяжутся, поспешил откланяться.

Квартира родственников последней из списка девушки располагалась в соседнем районе. Гуров подъехал туда около часа дня. Дом, в котором проживали заявители, оказался типовой застройки многоэтажкой. Нужная квартира отыскалась на четвертом этаже. Дверь ему открыла заплаканная женщина. Средних лет, средней комплекции, с печальными глазами и морщинами вокруг глаз. Волосы женщины резко контрастировали с бледным цветом лица. Оттенок рыжины точь-в-точь совпадал с тем, что Гуров видел в Царицынском море.

– Добрый день, – поздоровалась женщина. – Проходите, пожалуйста. Чаю хотите?

– Нет, спасибо, – отказался Лев. У него возникло смутное ощущение, что визит его не принесет женщине облегчения. – Полковник Гуров. Если можно, перейдем сразу к главному.

– Ну а я – Зинаида Васильевна. Вы ведь насчет Танюши? Из телефонного разговора я не совсем поняла, в чем заключается цель вашего визита, – проговорила женщина. Она пропустила Гурова в небольшую комнату, видимо, принадлежавшую когда-то пропавшей девушке. – Есть новости о Тане?

– Пока неясно, – уклонился от прямого ответа Лев. – Скажите, Татьяна проживала вместе с вами?

– Нет, что вы, Танечка у нас совершенно самостоятельная девочка. Да я и не родственница ей, – замахала руками Зинаида Васильевна. – Она снимала у меня комнату, когда только в Москву перебралась. Раньше она в Подмосковье жила, вместе с сестрой и престарелой бабушкой. Потом бабушка померла, а Танюша приехала в Москву, деньги зарабатывать. Вот в этой комнате и жила.

– Как давно она съехала? – машинально поинтересовался Гуров.

– Лет пять назад, – смущенно ответила Зинаида Васильевна. – Я после нее никого на постой не пускала, как-то не хотелось чужих возле себя держать. После Танечки. Мы ведь с ней крепко подружились, по-настоящему, понимаете? Такое редко бывает, но все же случается. Танюшка пару раз в месяц ко мне в гости приезжала, для нее комнату и держу.

– А потом приезжать перестала, – подсказал Гуров.

– Перестала. И на звонки не отвечает, и на работе ее нет. Я туда ездила. Мне сказали, что пропала она, на работу не выходит. Ее кадровики уже уволили задним числом, так у нас в столице дела делаются, – вздохнула Зинаида Васильевна.

– Я думал, она ваша родственница, – красноречиво взглянув на прическу Зинаиды Васильевны, произнес Гуров.

– Это из-за цвета волос? – Зинаида Васильевна рассмеялась неожиданно задорным, заразительным смехом. – Мы с Танюшей часто шутили по этому поводу. Оттенок уж больно идеально совпадал. Она рыжая, и я рыжая. Может, на этом и сошлись.

– У вас есть последние фотографии Татьяны?

– Совсем свежих нет. Года два назад она в Крым отдыхать ездила, оттуда привезла пару снимков. Ну, знаете, из категории «посмотрите, где я была». Там лица почти не видно, только достопримечательности крымские. Ялта, Мисхор, Ласточкино гнездо. Танюша на них совсем крошечная, вряд ли что разглядите. Вы ведь для этого про фото спросили, чтобы понять, ее ли нашли?

Гуров промолчал, отметив про себя, что Зинаида Васильевна попала в самую точку, хотя о найденном теле он ей ни слова не говорил, ни по телефону, ни в разговоре.

– Послушайте, товарищ Гуров, так ведь вас зовут? – Зинаида Васильевна мягко прикоснулась к его плечу. – Вы меня не щадите. Что бы вы ни сказали, все лучше неизвестности. Как

подумаю, что Танечка жива, что ее мучает какой-то маньяк, так сразу мысли в голову лезут: лучше б уж мертва оказалась. Наверное, плохо так думать, но тут ничего не поделаешь.

– Ничего плохого в ваших мыслях нет. Иной раз действительно лучше узнать самое страшное, чем день за днем прокручивать в голове ужасные картины. Да и для пропавших так бывает лучше.

– Наверное, это оттого, что она мне не родная. Будь она моей дочерью, может, я бы до последнего молилась, чтобы жива была.

– Скажите, вы с ее сестрой связаться не пытались? – перевел тему Гуров.

– Так я и не знаю, где ее искать, – ответила Зинаида Васильевна. – Знаю, что Танюша из Подмосковья, а откуда конкретно, не помню. То ли Зуево, то ли Зуйково, а может, и вовсе другое название. Танюша редко про дом рассказывала, не любила вспоминать. И сама туда не ездила. Разладилось у них что-то с сестрой. А бабка померла, к кому ездить-то?

– Значит, никаких снимков у вас нет? – повторил вопрос Лев, понимая, что скоро придется предложить женщине проехать в морг на опознание.

– Нет, боюсь, что нет. Одна была, так я ее в полицию сдала, когда заявление писала, – пояснила Зинаида Васильевна. – Они ведь сперва брать его не хотели, но я, когда требуется, могу быть настойчивой. Взяли. С третьего раза, но взяли. Правда, не думала, что ее на самом деле ищут, а тут ваш звонок. Скажите, вы нашли Таню? Из-за этого и приехали?

– В парковой зоне Лосиногостовского Острова найдено тело девушки, – после короткой паузы начал Гуров. – Приметы совпадают с теми, что указаны в вашем заявлении. Приложенный снимок не дает полной уверенности в том, что найденная девушка действительно Татьяна Комова. Я надеялся получить от вас другие снимки и по ним определить более точно.

– Но снимков нет, и остается один-единственный способ узнать, правы ли вы, – я должна опознать тело, так ведь у вас это называется?

– Совершенно верно, Зинаида Васильевна, вам нужно опознать тело. – Гуров был благодарен женщине, что страшные слова за него произнесла она. – Вы готовы сделать это? Пригласить вас мы не имеем права.

– Какое принуждение? – махнула рукой Зинаида Васильевна. – Конечно, я поеду. Прямо сейчас?

– Если вы готовы.

Без лишних слов Зинаида Васильевна скрылась в соседней комнате, а через пять минут вышла, сменив халат на строгий костюм темных тонов. Взяв с полки дамскую сумку, она коротко проговорила:

– Я готова, – и указала рукой на выход.

Гуров вышел первым, Зинаида Васильевна следом за ним. Лифта дожидаться не стали, спустились по лестнице. Всю дорогу до морга женщина не проронила ни слова, а как припарковались на стоянке, вдруг расплакалась. Гуров вышел из машины, давая ей возможность выплакаться в одиночестве. Плакала Зинаида Васильевна долго, потом успокоилась. Вышла из машины, взглянула заплаканными глазами на Гурова и задала вопрос, который мучил ее всю дорогу:

– Это будет страшно?

– Нет, – с полуслова поняв, о чем идет речь, поспешил успокоить ее Лев. – Она не сильно пострадала, я имею в виду, внешне. Никакой крови, никаких шрамов, – и добавил, сам не зная, почему: – Она очень красивая.

– Я ведь даже не спросила, как она умерла. Та девушка, что лежит в морге... Как она умерла?

– Перелом шейных позвонков, – стараясь говорить как можно мягче, ответил Лев.

– Что это значит?

– При переломе шейного отдела позвоночника происходит повреждение продолговатого мозга, отвечающего за работу жизненно важных центров. Они отключаются. Прекращается дыхание, сердечная деятельность...

– Это больно? Она страдала? – Губы Зинаиды Васильевны задрожали, она снова готова была расплакаться.

– Нет, не страдала. Это мгновенная смерть.

Чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, Гуров развернулся и пошел к дверям морга. Зинаида Васильевна с минуту стояла на месте, потом поспешила за полковником. В морге их встретил все тот же Юрков. Он провел их к холодильным камерам, открыл дверцу под номером шестнадцать, выдвинул носилки и бросил вопросительный взгляд на Гурова. Тот выждал некоторое время, затем обратился к Зинаиде Васильевне:

– Сейчас сотрудник морга покажет вам лицо. Вы должны будете посмотреть и определить, является ли покойная Татьяной Комовой. Не торопитесь, начнем тогда, когда вы будете готовы.

– Я готова, – просто ответила женщина.

Юрков помедлил пару секунд, потом потянул за край бумажной простыни. Зинаида Васильевна напряглась, вцепилась в руку Гурова и едва слышно прошептала:

– Погодите, стоп!

Он был готов к подобной реакции, поэтому жестом остановил Юркова, взял руку Зинаиды Васильевны в свою и крепко пожал. Она же неотрывно смотрела на прядь волос, выбившуюся из-под простыни, и не могла произнести ни звука.

– Зинаида Васильевна, мы можем остановиться. Выйдем на воздух, вам сразу полегчает, – предложил Лев. – А когда поймете, что готовы, снова зайдем.

– Нет, не стоит затягивать, – справившись с волнением, произнесла женщина. – Давайте поскорее покончим с этим.

Юрков сдвинул простынь до плеч. Зинаида Васильевна впиалась взглядом в лицо лежащей на носилках девушки. По ее щекам потекли слезы. Она и не пыталась их стереть. Молча стояла, смотрела и плакала. Гуров дал ей пару минут, после чего задал главный вопрос:

– Зинаида Васильевна, вы узнаете эту девушку?

– Танечка, Танюшка, – сорвалось с уст женщины, и она, выпустив руку полковника, лишилась чувств.

Гуров и Юрков были готовы и к этому. Лев подхватил тело Зинаиды Васильевны, Юрков поспешил на помощь. Вдвоем они отнесли женщину в комнату отдыха, положили на диван.

– Еще долго продержалась, – прокомментировал привычный к женским обморокам Сергей. – Некоторые еще на пороге отрубаются. И не только женщины, но иной раз и мужики.

– Серега, хорош разглагольствовать, – прервал его Гуров. – Нашатырь неси.

– Будет сделано, гражданин начальник, – шутливо козырнул Юрков. – Да не переживай ты так, все с твоей Зинаидой будет в порядке. Пару минут – и она придет в норму.

Он метнулся к аптечке, принес пузырек нашатырного спирта и кусок ваты. Щедро смочив вату пахучей жидкостью, поднес ее к лицу женщины и поводил возле носа. Никакой реакции не последовало.

– Да, крепко ее скрутило, – вздохнул Юрков. – Как думаешь, она узнала девушку?

– Трудно сказать, – пожал плечами Лев. – По словам и реакции вроде как узнала, но ты ведь знаешь, как бывает: увидела похожий цвет волос, остальное воображение дорисовало, и уже перед тобой не неизвестная девушка, а родная кровинка. Сколько ни смотри, будешь видеть того, кого воображение рисует.

– Повторно придется показывать?

– Скорее всего, – вздохнул Лев.

Юрков снова провел ваткой возле носа Зинаиды Васильевны. Она пошевелилась, наморщила нос и громко чихнула.

– Ну вот, я же говорил, что все будет в порядке, – довольно заметил Сергей. – Просыпайтесь, мадам, пора возвращаться к жизни.

Зинаида Васильевна открыла глаза, поморгала ресницами, привыкая к яркому свету. Взгляд ее задержался на лице Гурова, и тут она вспомнила, где находится и что тут делает. Из глаз снова потекли слезы.

– Ну-ну, не стоит плакать. – Юрков помог ей принять сидячее положение. – Сейчас я вам водички налью. А может, что покрепче?

Вопрос был адресован Гурову, тот отрицательно покачал головой, и Сергей, наполнив стакан обычной питьевой водой, поднес его к губам женщины. Та сделала два маленьких глоточка, отодвинула его руку в сторону и снова перевела взгляд на Гурова. Он выждал с минуту, после чего спросил:

– Зинаида Васильевна, вы помните, зачем мы здесь?

– Чтобы опознать тело Танюши, – негромко произнесла женщина.

– Это Татьяна?

– Да, это она, – ответила Зинаида Васильевна и залилась слезами.

– Похоже, без горячительного не обойтись, – вздохнул Юрков и, достав из тумбочки металлическую фляжку, плеснул пару глотков в пустой стакан. На этот раз разрешения Гурова он дожидаться не стал. Поднес стакан к губам женщины и принялся мягко уговаривать:

– Выпей это, родная. Поверь, сразу станет легче, – и, запрокинув ее голову, буквально насильно влил янтарную жидкость ей в рот. – Вот, теперь глотай. Не выплевывай, глотай, говорю. Молодчина! А теперь водички. Всего три глоточка – и отпустит.

Зинаида Васильевна послушно отпила три глотка из стакана, затем забрала его из рук Юркова и допила до дна. Вода смешалась с алкоголем и погнала его в кровь. Спустя несколько минут щеки женщины порозовели, губы приобрели привычный оттенок, и лишь в глазах оставались тоска и безысходность. Гуров наблюдал за действиями друга и не вмешивался. В деле успокоения родственников у того опыта было куда больше. Некоторое время Юрков внимательно наблюдал за реакцией женщины и озабоченно качал головой. Ему что-то явно не нравилось. Женщина не плакала, не причитала, она вообще никак не реагировала на окружающих. Сидела, как соляной столб, уставившись в одну точку.

– Такую ее обратно в холодильную вести нельзя, – негромко, чтобы мог расслышать только Гуров, проговорил Сергей. – Доза маловата, что ли?

– Ты ее еще напои здесь, – проворчал Гуров, но, когда друг полез за второй порцией коньяка, останавливать его не стал.

После второй порции спиртного лицо Зинаиды Васильевны приняло расслабленное выражение. Юрков удовлетворенно кивнул и повернулся к Гурову:

– Теперь пора.

– Ты уверен? – с сомнением глядя на женщину, переспросил Лев.

– На все сто, – ответил Юрков и первым заговорил с женщиной: – Зинаида Васильевна, процедура опознания еще не окончена. Так уж положено, чтобы заявитель дважды осмотрел тело. Первое впечатление обманчиво, а нам ошибки допустить никак нельзя. Вы меня слышите? Понимаете, о чем идет речь?

– Я должна снова вернуться в ту ужасную комнату и еще раз посмотреть на Танюшку, – на автомате повторила Зинаида Васильевна.

– Верно, должны вернуться. Так как, пошли, что ли?

– Пошли, – согласно кивнула она.

Гуров и Юрков подхватили Зинаиду Васильевну под руки, подняли с дивана и повели ее, поддерживая с двух сторон. Оказавшись возле холодильной камеры, Зинаида Васильевна

снова заплакала. Гуров нахмурился, а Юрков быстро выдвинул носилки и отбросил простыню, не обращая внимания на слезы женщины.

– Откройте глаза, Зинаида Васильевна, – мягко проговорил он. – Взгляните еще раз. Только смотрите не на волосы. На нос, на лоб, на уши и плечи. Танюшкин ли это нос? Он с горбинкой. У Танюшки нос с горбинкой? А разрез глаз? Ресницы не особо густые. У Танюшки ресницы жидковатые? На скулы внимание обратите. Видите, какие они острые и широкие. У вашей Танюшки тоже такие?

Юрков все приговаривал и приговаривал, а Зинаида Васильевна вглядывалась в лицо лежащей перед ней девушки и постепенно выражение боли стало исчезать с ее лица. Наконец она отстранилась от Гурова, подошла ближе, потом поменяла ракурс, зайдя с противоположной стороны. Склонилась совсем близко над телом, изучая мочки ушей. Потом перешла к рукам и ногам. Гуров и Юрков отошли в сторонку, не желая ей мешать. Осмотрев последний сантиметр тела, Зинаида Васильевна повернулась к мужчинам. Лицо ее озарила улыбка облегчения, которая сказала Гурову больше, чем последующая фраза:

– Это не моя Танюшка. Это не Татьяна Комова.

– Вы в этом уверены? – переспросил он, не зная, обрадовал ли его ответ женщины или разочаровал. – Вы уверены в том, что эта девушка не Татьяна Комова?

– Уверена. На этот раз уверена, – подтвердила Зинаида Васильевна. – Когда он про мочки ушей сказал, я вспомнила, что у Танюшки уши никогда проколоты не были, а тут дырочки, видите? Конечно, она могла и после своего исчезновения уши проколоть, я это понимаю. Но вот форма ушей. Она ведь не могла измениться? Знаете, почему Танюшка уши не прокалывала, предпочитаемая серьгам клипсы? Потому что у нее практически не было мочек. Так, перемычка от хряща к шее. Ей это не нравилось, из-за этого она и волосы длинные носила, чтобы уши в глаза не бросались. И без клипс из дома не выходила. Раньше ей трудно приходилось, с таких мочек клипсы постоянно слетают, а теперь новые зажимы придумали. Они не на мочке, а прямо на раковине держатся. Очень оригинально, между прочим.

– Я понял, – остановил нервный речевой поток Гуров. – Это не Татьяна, и вы в этом абсолютно уверены.

– Есть и другие доказательства, – начала Зинаида Васильевна, но Лев снова ее прервал:

– Этого достаточно, – и кивнул Юркову, намекая на то, что пора закругляться.

Юрков вернул простыню на место, задвинул носилки и закрыл холодильную камеру. После этого мягко взял Зинаиду Васильевну под руку и вывел на улицу. Гурову не хотелось оставлять женщину в таком состоянии, но время поджимало, пора было возвращаться в отдел. Юрков догадался о терзаниях друга и заявил, что вызовет такси.

– Езжай, Лева, я проконтролирую, чтобы Зинаида Васильевна добралась до дома целой и невредимой, – пообещал он.

Гуров благодарно кивнул, попрощался с Зинаидой Васильевной, сел в машину и покатил в Управление. Времени на дорогу оставалось всего ничего. Первый сеанс связи был назначен на три часа, и ему не хотелось опаздывать. «Жаль, что с Комовой не срослось, – размышлял он по дороге. – Скорее всего, Комова тоже мертва, только ее тело пока не обнаружили, так что ты, Гуров, своими сожалениями не навлекаешь на нее беду. Просто ее опознание откладывается на неопределенное время».

Ему стало любопытно, думает ли Зинаида Васильевна теперь, после проведенного опознания, что Татьяне Комовой лучше бы быть мертвой? Гуров склонялся к тому, что на этот вопрос у женщины мнение изменилось. Сам же он предпочел бы, чтобы у его неизвестной появилось наконец имя и можно было бы начать раскручивать дело. А пока имени нет, ему предстояло провести семь бесед, в ходе которых он должен решить, стоит ли кого-то из заявителей вызывать в Москву на опознание или их приезд окажется такой же «пустышкой», как визит к Зинаиде Васильевне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.